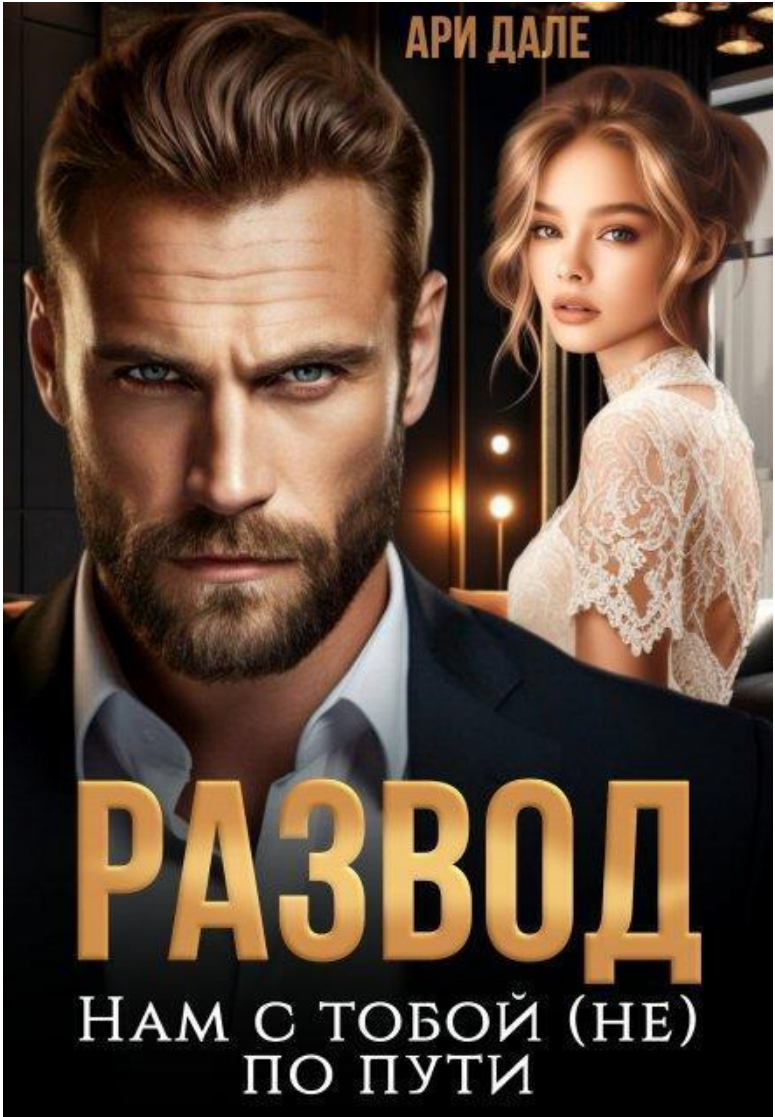

АРИ ДАЛЕ
РАЗВОД
Нам с тобой (не) по пути

Ари Дале

Развод. Нам с тобой (не) по пути

https://litres.ru/74791124

Аннотация

— Где ты был? Я ждала тебя весь вечер. Ты хоть представляешь, как сильно? — едва не плачу. — Мне пришлось записаться в твое расписание… А ты даже не позвонил, — Да? Забыл, — муж пожимает плечами. — Забыл?! — перехожу на крик. — Это все, что ты можешь сказать? — Хватит! — Витя тоже повышает голос. — Не делай мне мозги и веди себя, как нормальная жена! — Так найди себе другую, если я тебя не устраиваю! — кричу ему в спину. — Уже! ___ Десять лет брака. Муж — мэр, которого я поддерживала на протяжении всей его политической карьеры. Двое прекрасных детей. Третья беременность. Я хочу объявить ему о радостной новости, но муж опережает меня, заявив, что у него другая.

ХЭ обязателен. Вот только для кого?

!#Внимание: Ругать героев можно. Автора нельзя)))

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ ❤#

"Все персонажи выдуманы, все совпадения случайны".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Визуализация	16
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	56
Глава 11	61
Глава 12	64
Глава 13	69
Глава 14	74
Глава 15	78
Глава 16	83
Глава 17	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Глава 1

Непролитые слезы жгут глаза. В горле застревает ком и никак не хочет проглатываться. Пальцы подрагивают, когда я подхватываю черные нетронутые тарелки с накрытого белоснежной скатертью круглого стола и убираю их обратно в шкафчик со стеклянными дверками. За ними ставлю бокалы на открытую полку, висящую над кухонной столешницей из темно-серого камня. Вино и апельсиновый сок прячу в холодильник. В последнюю очередь задуваю свечи. Кухню остается освещать только множество встроенных в землю фонариков у дорожек на заднем дворе, виднеющихся в окне.

В духовке на подогреве все еще стоит любимая лазанья мужа, которую я готовила последние несколько часов. Обычно вызывающий аппетит, сливочный с мясными нотками аромат распространяется по небольшой кухне с широкими окнами. Но сейчас из-за яркого запаха меня только больше мутит.

По идее, нужно доставать лазанью, пока она окончательно не зажарилась, но силы резко покидают меня.

Устало сажусь на стул, ставлю локти на стол. Скатерть тут же сдвигается, но я игнорирую это и упираюсь лицом в ладони. Светло-русые волосы волнами свисают вдоль рук. Ком в груди разрастается еще больше.

Витя снова забыл о нашем совместном ужине. Такие до-

машние посиделки раньше были нашей традицией. Иногда ужинали с нашими девочками, но старались находить время и для себя. А сейчас мне пришлось договариваться… договариваться о встрече с собственным мужем!

До сих пор в ушах стоит скрипучий с нотками недовольства голос пресс-секретаря мужа:

— У Виктора Владимировича назначено очень много встреч. Не уверена, что смогу впихнуть в его расписание еще одну, — голубые глаза светловолосой девушки блестят от превосходства.

Господи, я думала, в тот момент разорву ее. Но нет же, пришлось «держать лицо», ведь я была в приемной мужа, где полно людей.

— Думаю, ты справишься, — в моем голосе отчетливо слышится сталь.

Регина хоть и поджала пухлые губы, демонстрируя раздражение, но отказать мне не смогла. Поэтому, заявив, что сделает все возможное, закатила глаза и согласилась. Я тоже не осталась в долгу, отчеканила что-то вроде «приложи все усилия, чтобы получилось», после чего покинула мэрию города.

В другой день я бы не настаивала на встрече. Знаю же, какой сейчас график у Вити, но сегодня особенный повод — я должна сообщить ему хорошую новость.

На автомате кладу руку на живот, аккуратно поглаживаю.

Неужели Регина не «впихнула» встречу со мной в распи-

сание мужа? Если мое предположение окажется верным, то это станет последним звоночком. Я все-таки поговорю с Витей на тему необходимости найти другого пресс-секретаря. Как давно хотела…

Звук поворачивающегося ключа в замочной скважине заставляет меня едва ли не подпрыгнуть на стуле.

Сердце пускается вскачь. Поднимаю голову. Смотрю на приоткрытую дверь — в холле загорается свет.

Подрываюсь с места. Игнорируя головокружение и черные точки, которые пляшут перед глазами, широким шагом иду на свет. Кремовое кружевное платье в пол немного сковывает движения, но я не обращаю на это никакого внимания.

Быстро выхожу в светлый холл с высоким потолком, в который встроено горизонтальное окно. Пролетаю мимо лестницы на второй этаж, дверь в гостиную тоже игнорирую. Направляюсь сразу к небольшой гардеробной. Но даже до середины холла не успеваю дойти — муж появляется в дверном проеме. Его темно-русые волосы взъерошены, словно по ним много раз проводили пальцами. Щетина, как всегда, ровно подстрижена. Костюм графитового цвета сидит как влитой. Идеальный образ нарушает только отсутствие галстука, который точно был с утра, и пара расстегнутых пуговиц у шеи на белоснежной рубашке.

— Где ты был? — выпаливаю, не пытаясь скрыть обиду в голосе.

— Не начинай, — вздыхает муж, окидывая меня тяжелым взглядом.

Он не останавливается. Идет прямо на кухню. Мне приходится следовать за ним.

— Не начинай? Серьезно? — злость закипает в венах, слезы, которые все еще стоят в глазах, грозят вот-вот пролиться. — Я ждала тебя весь вечер. Ты хоть представляешь, насколько сильно? — от сдерживаемых слез голос больше напоминает писк. — Я даже в твое расписание записалась… — произношу почти шепотом.

Одинокая слезинка все-таки скатывается по щеке. Быстро смахиваю ее.

— Твою мать, Наташ, — Витя застывает в дверном проеме. Едва не врезаюсь в его спину, но успеваю вовремя затормозить. Муж резко разворачивается, вперивает в меня гневный взгляд. — Ну, отменил я нашу встречу, что с того? У меня в офисе дел было куча. Решил с ними разобраться. Не надо меня пилить из-за этого. Достало.

Пилить? Когда я пилила его в последний раз? Я обычно спокойно отношусь к «загруженному графику мужа», знала же, за кого выходила замуж. Витя даже десять лет назад был амбициозным и собирался стать мэром Москвы, а я поддерживала его всеми силами. Но сегодня… сегодня у меня есть повод.

— Ты даже не позвонил, — цежу сквозь стиснутые зубы.

Муж сводит брови к переносице. Его взгляд ненадолго

расфокусируется, словно он что-то вспоминает.

— Да, забыл, — пожимает плечами.

— Забыл?! — перехожу на крик. — Это все, что ты можешь сказать? — с силой впиваюсь ногтями в ладони.

— Хватит! — Витя тоже повышает голос. — Не делай мне мозги и веди себя, как нормальная жена, — заявляет настолько жестко, что у меня рот приоткрывается. Больше никакой реакции Витя от меня не ждет, разворачивается и заходит на кухню. — Я устал, есть что поесть?

Мне требуется пара секунд, чтобы прийти в себя. Ярость закипает в груди, разносится по венам. Опаляет кожу.

Нормальная жена? А разве я веду себя, как ненормальная?

Срываюсь с места, иду следом за мужем.

— Так найди себе другую, если я тебя не устраиваю! — кричу ему в спину.

— Уже! — бросает муж через плечо.

Глава 2

Спотыкаюсь. Приходится выставить ногу вперед, чтобы не прочертить носом пол. Дыхание прерывается. Сердце колотится. Руки трясутся.

Кладу ладонь на грудь, ненадолго прикрываю глаза, шумно выдыхаю.

Распахиваю глаза и поворачиваюсь к кухонному гарнитуру. Смотрю в спину мужу, который уже дошел до духовки и в данный момент достает из нее сделанную мной лазанью.

— Не могла что-нибудь другое приготовить? — Витя открывает выдвижной шкафчик, выуживает оттуда вилку. — Это запеканка уже приелась, — нанизывает немного лазаньи на зубчики и сразу отправляет в рот. Пережевывает.

— Что? — произношу тихо на выдохе.

Но Витя, похоже, слышит. Он оглядывается через плечо, прежде чем идет к шкафчику с посудой, стоящему напротив холодильника.

— Говорю, в следующий раз приготовь что-нибудь новенькое, — открывает стеклянную дверцу, достает одну из тарелок, которую я недавно туда поставила. — Знаешь ли, иногда разнообразия хочется, — не глядя на меня, возвращается к плите и вилкой накладывает большой кусок лазаньи.

Не понимаю, муж говорит сейчас о еде или…?

А Витя, видимо, не собирается объяснять, направляется к столу, который я еще не успела полностью убрать. На автомате разворачиваюсь за ним.

Муж застывает при виде скатерти и свечей. Но почти сразу возвращает себе самообладание, садится за стол. Ставит тарелку перед собой и только после этого поднимает на меня глаза.

— Это еще зачем? — кивает на стол, отламывая ребром вилки еще немного лазаньи, съедает.

Молчу. Не шевелюсь. Меня охватывает настолько сильный шок, что дышать получается через раз, не говоря уже об остальном. Все, что могу, — смотреть на мужа и хлопать глазами.

Я же не ослышалась, правда?

Витя сказал, что у него есть другая?

— Т-ты мне изменяешь? — кое-как выдавливаю из себя три несчастных слова.

По телу проносится волна крупной дрожи. Становится жутко холодно и… страшно.

— Кто тебе сказал? — муж замирает с вилкой возле рта.

— Ты… — пытаюсь сглотнуть ком в горле, но он словно сросся с гортанью, — только что, — добавляю хрипло.

Витя пристально смотрит на меня своими голубыми глазами, которые в свете от фонарей на улице кажутся почти прозрачными.

Я тоже не отвожу взгляда от мужа и… не узнаю. Столько

льда в глазах Вити я еще не видела. Такое чувство, что передо мной другой человек. Не с ним я прожила почти десять лет. Не ему родила двух прекрасных девочек. Не от него забеременела еще одним ребенком.

— Не придумывай, — отмахивается он и съедает еще кусочек «приевшейся запеканки». Медленно жует, при этом не прерывает зрительного контакта. Смотрит так пристально, словно пытается пробраться мне в голову. Хочет проверить, поверила ли я в его слова или нет?

— Не делай из меня дуру! — расправляю плечи, чувствуя, как ступор покидает тело. — Ты же сам сказал, что нашел другую! — эмоции снова начинают бурлить внутри. Обида смешивается с яростью и разливается по венам. В груди разгорается пожар, дышать становится неимоверно трудно.

Сжимаю-разжимаю кулаки, чтобы хоть как-то успокоиться.

Витя же поджимает губы.

— Ты не дашь мне нормально поесть, да? — сужает глаза.

О какой еде он говорит, когда речь идет о нашей семье?

Внизу живота начинает тянуть, но я стискиваю зубы, подавляя неприятные ощущения. Вот только с обливающимся кровью сердцем просто так справиться не получится.

— Вить… — произношу обессиленно. — Ты меня разлюбил? Может, нам лучше развестись?

Витя тяжело вздыхает.

— Может…

Глава 3

— …ты не будешь доставать меня своими глупыми вопросами? — цедит сквозь стиснутые зубы.

Открываю рот, чтобы сказать, что это вовсе не глупости, но меня прерывает трель телефона. Витя наконец разрывает зрительный контакт, достает гаджет из кармана пиджака, смотрит на экран. Хмурится. Тут же отвечает на звонок своей секретарши. А я ему весь день дозвониться не могла.

— Регина, что-то случилось? — в его голосе отчетливо слышится тревога.

Невольно грустно усмехаюсь. Может, Вите стоило жениться не на мне, а на своей Регине? Она же трется рядом с ним со времен ее учебы в университете. Я, конечно же, всегда знала, что девушка меня недолюбливает. Старалась отогнать непрошеную ревность, ведь видела, что Витя никаких поползновений в ее сторону не делает. Но сейчас задаюсь вопросом, а не Регина ли та самая «другая»?

Переступаю с ноги на ногу. Прохожусь языком по пересохшим губам. Кончики пальцев холодеют. Хочется подбежать к мужу, схватить его за плечи, заглянуть в глаза, встряхнуть его и потребовать сказать правду. Но все-таки кое-как удается подавить это желание, о чем тут же жалею.

— Понял, — Витя поднимается на ноги, подхватывает тарелку и идет к раковине.

Я, словно привязанная, поворачиваюсь следом. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как муж открывает напольный шкафчик и выбрасывает лазанью в мусорку. Ту самую лазанью, которую я так долго готовила… и которую он так сильно любил.

Горло перехватывает, к глазам подступают слезы.

— Хорошо, сейчас буду, — муж трет шею, разминая, видимо, затекшие мышцы. — Только переоденусь, — зажимая телефон плечом, разворачивается и начинает расстегивать пуговицы. — Насколько все плохо? — намеренно игнорирует меня, направляется к выходу.

Смотрю Вите в спину и чувствую, что меня что-то толкает вперед. Сомнения по поводу измены мужа роятся в груди. Я себя знаю: они сожрут меня изнутри, если я все не выясню. Поэтому мне ничего не остается кроме как последовать за ним. Я не собираюсь оставлять Витю в покое, пока не добьюсь правды.

Муж, переступая через ступеньки, поднимается на второй этаж, при этом не перестает разговаривать с Региной. Задает ей вопросы, которые я не улавливаю из-за шума в голове. Говорит секретарше что-то сделать, но стук сердца заглушает голос Вити. Желудок то и дело сжимается. Тело не слушается, пару раз нога едва не соскальзывает со ступенек. Но я, вцепившись в перила, упорно поднимаюсь. Более или менее нормально вдохнуть получается только когда оказываюсь на втором этаже. Витя уже давно исчез из вида и, видимо, успел

снять пиджак, который валяется посреди коридора.

Господи, как же я ненавижу его привычку разбрасывать вещи!

Наклоняюсь. Подхватываю валяющуюся вещь. А стоит выпрямиться, замечаю рубашку, лежащую на полу в проходе нашей спальни. Медленно выдыхаю, стискиваю зубы и иду к ней.

Подхожу ближе, наклоняюсь, чтобы поднять очередной предмет одежды. Застываю, ведь в затуманенный эмоциями разум врывается голос мужа, в котором плещется нежность:

— Все хорошо. Не переживай ты так, разберемся.

В сердце словно кинжал всаживают. Резко выпрямляюсь. Так сильно сжимаю вещи мужа в пальцах, что удивляюсь, как ткань не рвется. Собираюсь зайти в спальню, но взгляд цепляется за что-то красное на белой рубашке.

Поднимаю ее. Всматриваюсь.

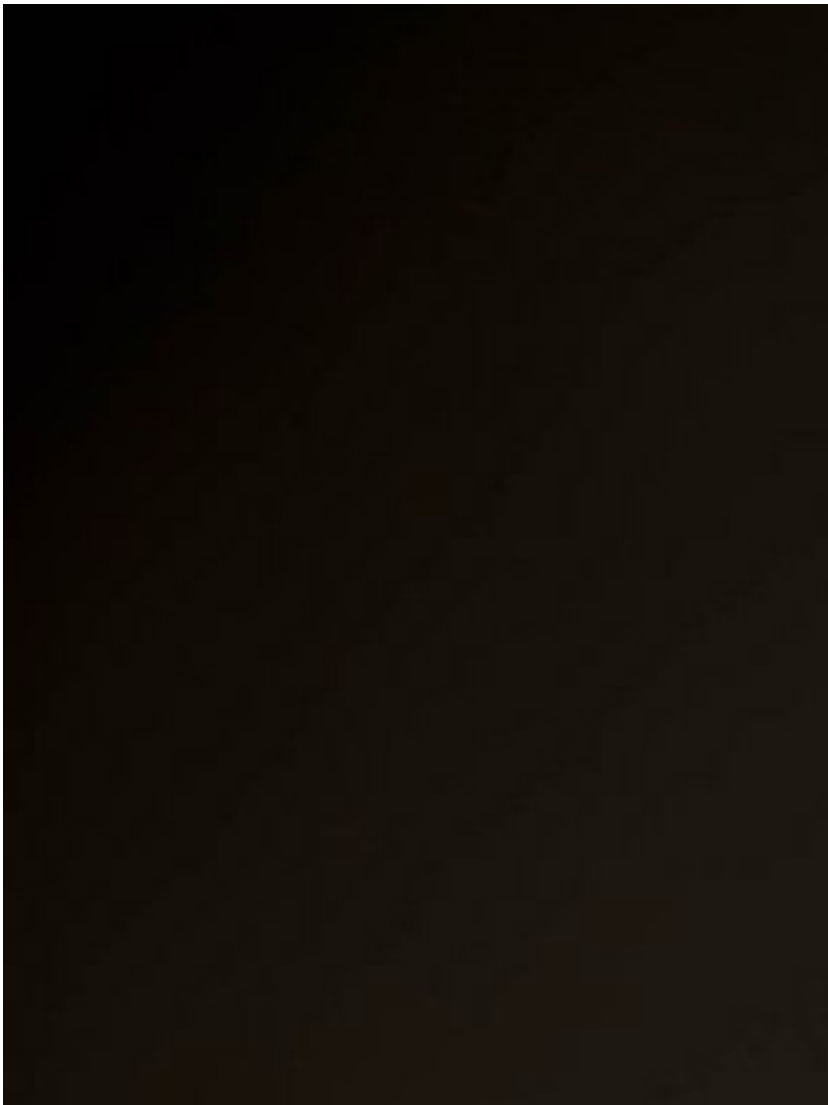
Меня словно ушатом холодной воды обливают. Внутри все стягивается в тугой узел. Колени подгибаются.

Опираюсь рукой в косяк, перед глазами все начинает расплываться, но взгляда от рубашки Вити не отвожу. Я смотрю ни на что иное, как на след от красной помады на воротнике мужа.

Визуализация

Дорогие читатели, давайте познакомимся с нашими героями!

Гордеев Виктор Владимирович, 37 лет

Виктор, мэр Москвы. Жесткий, властный, когда нужно — беспринципный. Со школьной скамьи был амбициозным молодым человеком. Политическая карьера изначально была его целью, и он шел к ней семимильными шагами. Виктор был другом старшего брата Наташи, который погиб при трагических обстоятельствах. Друг попросил присмотреть за сестренкой, если с ним что-то случится, и Виктор держал свое слово. Пока Наташа не выросла, а он не влюбился. Хотя… женившись на девушке, за ней легче присматривать. Так ведь?

Гордеева Наталья Николаевна, 29 лет

Наталья, жена мэра, а также директор благотворительного фонда “Новая жизнь”. Девушка полюбила друга брата, когда еще была подростком, но тот не обращал на нее внимания. Когда Олег погиб, ей было невероятно сложно пережить потерю, ведь они с братом были очень близки. И только поддержка Виктора помогла Наташе справиться с горем. Поэтому стоило мужчине проявить к ней больше, чем дружеский интерес, она сразу же поддалась. Даже вышла замуж за Виктора, родила ему двух детей и теперь беременна третьим. Вот только муж сказал, что у него… другая. Как теперь пережить еще и это?

Архипова Регина Леонидовна, 25 лет

Регина, пресс-секретарь и правая рука Виктора. Девушка еще со времен университета увлекалась политикой. Даже была членом одной из главных партий страны. Когда она познакомилась с Виктором, сразу поняла, что именно этот человек даст толчок ее политической карьере. Она сразу же предложила свои услуги тогда еще будущему мэру и не прогадала. Но вопрос: “Регина хочет лишь работать с мэром, либо же ей нужно нечто большее?” — остается открытым.

Дорогие читатели, благодарю вас за то, что выбрали мою книгу для прочтения. Надеюсь, начало вас заинтересовало. Если да, не забудь, пожалуйста, поставить “мне нравится”. Это не только согреет мое сердечко, но и поможет книге найти еще больше читателей. Заранее огромное спасибо##

P.s. “МНЕ НРАВИТСЯ” можно поставить как в карточке книги, так и в читалке — инструкция ниже##

Прочитано: 48%

С любовью, Ари Дале

Глава 4

Моргаю. Снова и снова.

Но след никуда не исчезает.

Сердце пропускает удар. Перед глазами начинает размываться, из-за чего пятно напоминает кровь. Почти такую же, что течет из раны в моем сердце.

Как он мог? Как Витя мог со мной так поступить?

Боль стрелой проносится по телу. Такое чувство, что мне в грудь всадили кинжал, пару раз повернули, прежде чем вырезать что-то важное... что-то дающее нормально дышать.

Нет! Не время впадать в отчаяние!

Нужно все выяснить! Сейчас же!

На мгновение прикрываю веки, а уже в следующее — распахиваю их. Изо всей силы стискиваю вещи мужа. Расправляю плечи. Шумно выдыхаю и переступаю порог нашей с мужем спальни.

Бежево-коричневые тона, в которых отделана комната, призваны для того, чтобы успокаивать. Вот только сейчас совсем не справляются со своей задачей. Сердце с такой скоростью клокочет в груди, что его стук отдается в ушах. Кончики пальцев холодеют, покалывают. А кожа, наоборот, горит.

Злость, непонимание, отвращение смешиваются с болью, когда я пересекаю пространство спальни. Захожу в просторную гардеробную, где по всем стенам тянутся деревян-

ные шкафыс зеркалами на дверцах, за которыми «прячется» одежда. Цепляясь взглядом за мужа.

Витя уже успел переодеть штаны, судя по черному пятну, распластанному у его ног, а теперь надевает белоснежную рубашку на мускулистое тело.

Со своей Региной он, видимо, закончил разговаривать, но на меня так и не обращает внимания.

Обида звенит в голове. Слезы собираются в глазах. Хочется разрыдаться, но я держусь… держусь.

Удивительно спокойно подхожу к мужу, протягиваю ему злосчастную рубашку и выплевываю:

— Что это?

Витя продевает одну за другой пуговицы в петли, косится на протягиваемую мною вещь.

— Рубашка, — произносит таким тоном, будто я не могла спросить что-то более очевидное.

Шумно выдыхаю.

— Я не об этом спрашиваю, — поднимаю руку ближе к лицу мужа, так чтобы воротник оказался на уровне его глаз. — Что это? — выделяю последнее слово.

Витя бросает на рубашку еще один безучастный взгляд.

Застывает с пуговицей, зажатой между пальцев. Хмурится, всматриваясь в след, оставленный явно какой-то бабой.

Вот только не проходит и мгновения, как он расслабляется.

— Понятия не имею, — пожимает плечами, снова начи-

ная продевать пуговицы в петли.

Меня потряхивает.

— Серьезно? — вздергиваю бровь, даже не пытаюсь скрыть сарказм, который пропитал мой голос.

И, видимо, Витя тоже прекрасно его слышит, потому что стискивает челюсти едва ли не до скрипа зубов. По его щекам начинают ходить желваки. Вдобавок еще и плечи напрягаются.

— Серьезно, — чеканит муж, наконец заглядывая мне в глаза. — Понятия не имею, откуда взялся след от помады на моей рубашке. У меня сегодня было миллиард встреч, в том числе с женщинами. Наверное, кто-то из них оставил, — застегивает пуговицы до конца, но за пиджаком, висящим на вешалке перед ним, не тянется. Взгляда от меня не отводит. — Или ты хотела услышать что-то в духе: «Его оставила моя любовница»?

— После того как ты заявил, что у тебя появилась другая, я ничему не удивлюсь, — стараюсь говорить твердо, но голос все равно подрагивает от бурлящих во мне эмоций.

— Твою мать, Наташа, — цедит муж сквозь стиснутые зубы. — Ты решила сегодня поистерить? Или что? Если да, то выбрала неудачный день. У меня сегодня был безумный день. И, как ты, наверное, поняла, он еще не закончился! Перенеси сеанс выноса моего мозга на другое время!

Мгновение — и из меня вырывается неверящий смешок. Глаза округляются. Пальцы подрагивают от того, как сильно

я сжимаю вещи, чтобы попытаться хоть немного сохранить самообладание. Иначе Витя увидит настоящую истерику.

— У тебя на рубашке след от женской помады, а я мозг выношу? — слезы так сильно жгут глаза, что, кажется, вот-вот прорвут плотину, которая их сдерживает. — Я с тобой поговорить пытаюсь.

Муж поджимает губы, сужает глаза.

— Ты не умеешь вовремя останавливаться, да? — Витя еще секунду смотрит на меня, после чего отворачивается и тянется за пиджаком. — Почему ты не такая, как… — резко замолкает.

Хватаю ртом воздух. Горло сдавливает. Внутри все сжимается.

Если я думала, что мне раньше было больно, то очень ошибалась. Вот сейчас приходит настоящая боль. Жгучая. Воспаляющая нервные окончания. Поглощающая все на своем пути.

— С кем ты хотел меня сравнить? — слезинка все-таки скатывается по щеке.

Глава 5

Витя надевает пиджак. Задвигает дверцу. Смотрит на себя в зеркало. Проходит пара долгих секунд, прежде чем в отражении он медленно переводит взгляд на меня.

На его лице не отражается ни единой эмоции. И это ощущается, будто еще один поворот кинжала в сердце. Раньше Витя смотрел на меня так, будто я была единственным человеком, которого он только видел. Я чувствовала себя особенной… его Вселенной, как он любил меня называть. А сейчас… что осталось от Вселенной? Пшик?

Еще одна слезинка скатывается по щеке. Стираю ее быстрым движением. Судорожно втягиваю воздух. Медленно выдыхаю. Нужно держать лицо. В последние десять лет я довела этот навык до автоматизма — положение обязывает. Вот только раньше я хотя бы дома могла расслабиться, быть собой. Но, видимо, в этой жизни все меняется.

— Вернусь, поговорим, — чеканит муж, разворачиваясь к выходу.

Преграждаю ему путь. Мысли больше напоминают кашу, поэтому выпаливаю первое, что приходит в голову:

— Послушай, если ты нашел другую, то мог бы просто сказать. Мы разойдемся спокойно. Зачем все это? — поднимаю рубашку и трясу ей перед лицом мужа.

Витя поджимает губы. Шумно выдыхает, глядя на меня

сверху вниз.

— Нет, это ты послушай. Я сказал, что сейчас занят. Неужели нужно повторять, чтобы ты поняла? Ты вроде бы никогда не была тупой. Неужели роды на тебя так повлияли? Или ты просто скрывала истинное лицо? — чеканит каждое слово.

У меня же глаза лезут на лоб, одежда мужа выскальзывает из пальцев. Шок овладевает разумом. С каких пор Витя со мной так разговаривает? Тупой? Истинное лицо? О чем он?

— Что ты такое говоришь? — произношу не громче выдоха. Внутри все немеет.

Муж прикрывает глаза. Похоже, пытается сдержать эмоции. Видимо, у него не получается, потому что буквально через секунду он распахивает веки и смотрит на меня с… презрением?

— В кого ты превратилась? Я тебя совсем не узнаю! Истеришь, бросаешь мне претензии, мозг выносишь! Да еще и на работу ко мне заявляешься! Тебе не кажется, что это уже перебор? Куда делась милая девочка, которая краснела от одного взгляда на меня? Почему я должен жить с мегерой? — каждое слово отдается резкой болью в сердце.

Мегера? Милая девочка? Что…?

— Милая девочка тебе двоих детей родила… — признание о беременности застревает в горле.

— И где они? Где дети сейчас?! — муж не сбавляет напора, продолжает давить на меня.

— У моей мамы, — не понимаю, к чему он клонит. У меня сегодня было много рабочих вопросов, а вечером я хотела, чтобы мы с Витей побыли только вдвоем. Поэтому позвонила маме и попросила посидеть с внуками.

— И что они там делают? Почему не дома? Со своей, — выделяет последнее слово, — матерью? — выплевывает. От шока не нахожу, что ответить. Но, похоже, от меня этого и не требуется. — Лучше бы детьми занималась, чем по всякой ерунде меня дергала! — набирает в легкие побольше воздуха и медленно выдыхает. Его плечи остаются напряженными до предела. — Так, — подбирается, — меня сегодня не жди. Я ночевать не приеду. Пока меня не будет, предлагаю тебе подумать о своем поведении! Может, наконец поймешь, почему мне на работе лучше, чем дома, — выплевывает.

Муж еще мгновение прожигает меня жестким, нечитаемым взглядом, после чего огибает и идет к выходу.

Мне же требуется время, чтобы справиться со ступором, охватившим не только тело, но и разум.

Мозг все еще не хочет соображать, но обида придает сил. Я ничего из перечисленного им не делала! Не делала!

Резко разворачиваюсь. Следую за мужем, который уже пересек коридор и теперь спускается по лестнице.

— Витя, подожди, — несусь за ним с невероятной скоростью. Меня подгоняет возмущение. Когда я истерила в последний раз? Да и на работу к Вите только сегодня пришла! Но даже не попыталась встретиться! Муж не имеет никакого

права со мной так разговаривать! Я, черт побери, не какая-то девка, чтобы отделываться от меня, как от надоедливой мухи. — Я сказала, стой! — бегу за ним по лестнице.

В груди печет. Глаза жжет. Сердце стучит так громко, что я даже свои шаги не слышу.

Боль от предательства и беспочвенных обвинений разносится по телу, застилая глаза красной пеленой.

Нужно разобраться со всем прямо сейчас! Какое «подумать»?

Вот только муж, похоже, не собирается слушать меня, не разговаривать со мной. Не останавливается даже ни на секунду. Широкими шагами направляется в сторону двери, достигает ее, распахивает.

Слетаю с последней ступеньки и ускоряюсь. Догоняю мужа, протягиваю руку, почти хватаю за рукав. Но ловлю лишь воздух. Витя выходит из дома и захлопывает дверь прямо перед моим носом, едва не отдавливая мне пальцы.

Глава 6

Я не спала всю ночь, хоть и жутко устала. Наверное, глупо с моей стороны так издеваться над организмом, но стоило сомкнуть веки, как лицо мужа появлялось перед глазами.

Суровое.

Жесткое.

Безэмоциональное.

Витя, конечно, никогда не был очень чувствительным человеком. Что неудивительно. Ему пришлось нелегко, учитывая потерю родителей в юном возрасте. Благо, у него оставался дедушка. Хотя не уверена, что он повлиял на мужа лучшим образом.

Степан Николаевич был матерым КГБшником и считал, что эмоции для слабаков. По его мнению, внук должен был стать несгибаемым, идти по головам, чтобы добиться чего-то в жизни. Он поставил перед собой задачу вырастить из мальчика «настоящего мужчину». И видимо, у Степана Николаевича получилось исполнить задуманное. Муж стал политиком, а без «особых навыков» такую карьеру, как у него, не построить.

Вот только я видела Витю и с другой стороны.

Муж был верным другом моему брату. Помню, как однажды Витя притащил Олега пьяным домой. Почти всю дорогу нес на себе, не дав брату проспаться где-то в подворот-

не. Принял на себя удар от моих родителей. А потом еще и заявил им, чтобы Олега не отчитывали, потому что у него были свои причины «дойти до кондиции». Я до сих пор не знаю, какие такие причины заставили моего брата напиться вдрызг, но, что удивительно, родители на следующий день действительно ничему ему не сказали.

Я отчетливо помню тот день, когда Олега… не стало. К нам домой пришли люди в форме и заявили, что произошел несчастный случай и мой брат упал с крыши.

У меня в тот же момент земля ушла из-под ног. Колени подогнулись, и я сползла по стенке на пол. Вот только поверить в то, что моего брата больше нет, не смогла.

Смотрела на то, как рыдает мама. Видела папу, обнимающего ее. И не верила… не верила до последнего, пока не пришел день похорон.

Именно тогда осознание накрыло с головой. У меня случилась истерика. С ней мне помог как раз справиться Витя. Он увел меня подальше от людей, притянул к себе и позволил выплакаться, позволяя самой осознать, что я больше никогда не увижу своего брата.

До сих пор в ушах стоит шепот тогда еще будущего мужа:

— Ты должна знать, что Олег любил тебя. И он всегда будет рядом с тобой, даже если ты его не видишь.

Лишь благодаря Вите я в тот день более или менее пришла в себя и смогла «проводить» своего брата.

Вот только после всего произошедшего я закрылась в се-

бе. Да, ходила в школу, но занятия танцами забросила. С подругами тоже перестала общаться. Предпочитала проводить время у себя в комнате, за закрытыми дверями. Стала… отшельницей, которая горевала по своему любимому брату и не видела белого света.

Когда Витя об этом узнал, то стал намеренно вытаскивать меня из дома. Он брал меня с собой загород на встречи с друзьями. Просто приходил ко мне и уводил на прогулки в парке. Заставлял в его присутствии делать уроки. Думаю, что Витя пытался хоть немного заменить мне брата.

Он даже пришел на мой школьный выпускной, а потом мы вместе ждали результаты экзаменов для поступления в университет.

Витя заботился обо мне все это время. А я старалась заботиться о нем. Помню, как в первый раз приготовила ему лазанью. С каким наслаждением он ее ел… умял половину за раз. А потом благодарил меня и хвалил, рассказывая, как это было вкусно.

Никогда бы не подумала, что однажды Витя ее выбросит…

Никогда бы не подумала, что назовет меня мегерой, которая выносит ему мозг.

Никогда бы не подумала, что он обвинит меня в том, что я не забочусь о наших детях.

Невольно кладу ладонь на живот, откидываясь на спинку офисного кресла, стоящего в моем светлом кабинете с беже-

выми стенами и деревянной мебелью.

«Что нам теперь с тобой делать, малыш? Уверена, сестрички тебе будут рады. А вот папочка…».

Когда наша жизнь полетела в тартарары?

Когда муж меня разлюбил?

И любил ли вообще?

Мы по-настоящему сошлись, когда я училась на втором курсе. В тот день была годовщина смерти родителей мужа. Помню, как пришла к нему в квартиру, чтобы поддержать. Открыла дверь своими ключами — их дал мне Витя «просто на всякий случай». Хотела приготовить что-нибудь вкусное и просто быть рядом. Ведь знала, хоть Витя не показывает чувства, он до сих пор горюет из-за потери родителей. Вдобавок, за пару месяцев до этого дедушка будущего мужа покинул этот мир. Витя остался совсем один, а я не хотела, чтобы он чувствовал себя одиноким. Пришла к нему и… впервые застала Витю пьяным. Сначала он пытался меня выгнать, говорил, что я ему не нужна, просил оставить его в покое. Но я не послушалась. Просто подошла к нему, сидящему на диване, забралась на колени и обняла крепко-крепко, как он когда-то сделал для меня.

Витя замер. Просто застыл, но не сбросил меня со своих колен. Наоборот, спустя пару секунд вжал меня в себя с такой силой, что стало тяжело дышать.

Не знаю, сколько мы сидели, не двигаясь, но в итоге наши объятья переросли в поцелуи. Страстные, всепоглощаю-

щие, полные самых разных чувств от горя до освобождения и любви.

В тот день Витя стал первым и единственным моим мужчиной. Мы провели вместе всю ночь, а под утро я сбежала. Мне было стыдно и страшно. Я не хотела пережить отвержение. Думала, что для Вити наша близость ничего не значила и, возможно, он о ней даже не вспомнит, но…

Витя не просто все помнил. Он в этот же день нашел меня и отчитал за то, что я ушла, даже не поговорив. А потом его губы снова оказались на моих, и все закрутилось так, что я оказалась за ним замужем.

Большего счастья было и желать нельзя. Вот только я даже представить себе не могла, что все закончится… так…

Стук в дверь вырывает меня из воспоминаний. Моргаю. Снова и снова. Но даже не успеваю сказать «войдите», как дверь распахивается, а на пороге появляется та, кого я совсем не ожидала увидеть.

Тут же напрягаюсь, резко выпрямляюсь в кресле. Бросаю быстрый взгляд на себя в большое окно, находящееся сбоку от моего заваленного бумагами стола. Отмечаю, что уже потемнело, из-за чего видно мое отражение: светлые волосы уложены в высокую прическу, лицо немного размывается, а черное с кружевным верхом платье сливается с тьмой на улице.

Вроде бы я хорошо выгляжу, но по сравнению с блондинкой в элегантном белом платье до колена и в туфлях-лодоч-

ках, ищущей мой стол, чувствую себя тенью. Вот только девушке своих эмоций не собираюсь показывать. Тем более, в груди разгорается возмущение из-за того, как она бесцеремонно явилась ко мне на работу, а теперь, так же без приглашения, располагается в кресле для гостей, стоящем с противоположной стороны стола.

— Добрый день, Наталья Николаевна, — девушка кладет телефон на стол, не отрывая пренебрежительного взгляда от меня.

Медленно выдыхаю, стараясь расслабиться. Не получается. Мышцы настолько напряжены, что плечи начинают ныть.

— Добрый день, Регина, — сжимаю кулаки. — Что тебя ко мне привело? — стискиваю зубы, едва ли не скриплю зубами.

— Мне нужно с вами поговорить, — девушка сводит брови к переносице, из-за чего ее лицо приобретает недовольное выражение. — Не буду томить и перейду сразу к делу. Вы должны оставить Виктора Владимировича в покое, — вздергивает подбородок, явно бросая мне вызов.

Глава 7

Мои глаза широко распахиваются.

Что? Я правильно услышала? Регина предлагает мне оставить моего же мужа в покое? Большей наглости в этой жизни я еще не видела.

Напрягаюсь так сильно, что мышцы затекают. Веду плечами, лишь бы хоть немного расслабиться, но у меня ничего не выходит. Внутри словно огонь пылает, который готовится вот-вот вспыхнуть и вырваться наружу. Прекрасно понимаю, что нахожусь на грани. Еще немного и взорвусь, потеряю свое хваленое самообладание, и тогда все годы, потраченные на создание репутации, пойдут насмарку. Тем более, я уже в деталях представляю, как оттаскаю Регину за волосы, а потом вышвырну из своего кабинета с не очень цензурными словами.

Поэтому, чтобы хоть немного отвлечься, приближаюсь к столу, кладу на него руки, переплетаю пальцы.

— Регина, тебе не кажется, что ты переходишь границы? — произношу твердо, хотя меня изрядно потряхивает.

Вчера мне пришлось столкнуться с мужем. А сегодня придется держать удар перед его пресс-секретарем и по совместительству с… любовницей, так?

Видимо, в моей жизни было слишком много спокойствия, раз теперь началась черная полоса, да?

Моя теория подтверждается, когда Регина выпрямляется в своем кресле, наклоняется ближе к столу, а, значит, и ко мне, после чего проникновенно произносит:

— Вы тянете его назад, — при этом смотрит мне прямо в глаза, — не даете развиваться, — даже не моргает, — из-за вас Виктор Владимирович топчется на месте, хотя уже давно мог бы «забраться» еще выше по карьерной лестнице, — выплевывает. Давлюсь воздухом, видя и слыша форменную наглость. Вот только Регина, похоже, не договорила. — Ваши благотворительные проекты стоят… дорого. Они отнимают не только слишком много времени в расписании Виктора Владимировича, но и его личных ресурсов, которые он мог бы провести с пользой для его карьеры.

Пару раз моргаю, глядя на девушку. Я ожидала чего угодно, только не нападения на благотворительный фонд, директором которого я являюсь.

— Регина, вы забываетесь! — произношу жестко. — Последний наш проект не только принес пользу городу, но и помогает детям без семей получить хоть немного радости в жизни, учитывая, что теперь они могут не просто приходить общаться с животными, но и ухаживать за ними, — кровь в венах закипает, защищаю свое детище, как могу.

Я горжусь нашим благотворительным фондом и не собираюсь позволять какой-то выскочке обесценивать его работу.

— Не спорю, зоопарк — интересная задумка. Но денег из государственного бюджета он высосал немало, — Реги-

на пренебрежительным жестом откидывает волосы с плеча за спину. — Вдобавок, вы хоть представляете, о скольких «одолжениях», — делает воздушные кавычки, — Виктору Владимировичу пришлось попросить, чтобы удовлетворить вашу прихоть, его открыть? — поджимает губы. — Думаете, в Москве было мало зоопарков?

Прихоть? Серьезно? Ну уж нет! Мне это надоело!

— Достаточно! — вскакиваю на ноги, упираюсь ладонями в стол, нависаю над ним. Взгляда от Регины не отвожу. — Прошу вас покинуть мой кабинет и больше не возвращаться, — чеканю. — Если у мужа есть вопросы, касающиеся работы благотворительного фонда, пусть поговорит со мной лично. Он знает, где меня найти.

Кожа горит, в груди полыхает. Сохранение самообладания дается мне с огромным трудом.

— Не думаю, что Виктор Владимирович захочет с вами обсуждать рабочие вопросы, — Регина тоже поднимается, но, в отличие от меня, делает это нарочито медленно. — А может, и не только рабочие, — выгибает идеально накрашенную бровь. — Если, конечно, учитывать тот факт, что он не ночевал сегодня дома, — уголок ее губ приподнимается. Мне показалось, или в ее голосе прозвучало превосходство? — В общем, я пришла предупредить: в ближайшее время придержите свои «гениальные идеи» при себе, Виктору Владимировичу будет не до вас, — кончиками пальцев касается своего живота, сразу же одергивает себя, но я-то все равно

замечаю. Неужели она…? Не может быть… Холодный пот скатывается по позвоночнику, желудок сводит. Пока я нахожусь в прострации, Регина наклоняется и берет со стола телефон. Но, прежде чем уйти, снова заглядывает мне в глаза. — Ах да, и имейте совесть. Хватит пилить Виктора… — на мгновение прерывается. — Он и так слишком много для вас делает, плюс устает немерено. У него и без вашего нытья сейчас сложный перевод. Пожалейте его, — больше Регина не произносит ни слова, просто разворачивается и направляется к выходу.

Я же настолько в шоке от произошедшего, что могу лишь смотреть в спину удаляющейся девушки. Регина, конечно, и раньше не была особо учтивой, но сейчас всякий стыд потеряла. И ориентиры, похоже, тоже.

Это осознание помогает вмиг мне прийти в себя. Жар невероятной силы распространяется по венам. Отталкиваюсь от стола. Выпрямляюсь. Складываю руки на груди.

— Регина? — окликаю девушку. Дожидаюсь, пока она, положив ладонь на дверную ручку, обернется. Только после этого задаю вопрос, который мучает меня последние сутки. — Ты спишь с моим мужем?

Глава 8

Не могу выбросить из головы самодовольную усмешку Регины. Хотя прошло немало времени, у меня перед глазами все еще стоит воспоминание, как девушка ехидно ухмыляется, а вместо ответа на мой вопрос заявляет:

— Напоминаю, что через два дня вас ждут на телевидении в передаче «Жены политиков». Надеюсь, хоть там вы не подведете Виктора Владимировича.

Я хотела послать ее куда подальше. Сказать, чтобы засунула передачу, на участие в которой же она же меня и подписала, в задницу, но ничего из этого сделать не успела. Девушка захлопнула дверь, оставив меня в одиночестве сгорать от гнева.

— Мама, а можно мне еще пирога? — Лиза, наша пятилетняя дочка с белыми кудряшками и в голубом платьице, подходит ко мне и протягивает белоснежную тарелку.

Улыбаюсь.

Я так и знала, что Лизе понравится вишневый штрудель с грецкими орешками и взбитыми сливками — она у меня сластена.

— Конечно, — забираю у малышки тарелку, наклоняюсь и оставляю поцелуй в ее волосиках.

— А можно тогда и мне? — Леночка старше сестры всего на три года, но для своего возраста выглядит очень серьез-

ной. И в одежде давно ушла от платьев и юбок, заменив их джинсами и брюками, отказавшись носить первые наотрез.

Ее волосы темно-русые, совсем как у папы, но глаза мои — шоколадные. Вот только характером Лена полностью пошла в Витю. Дочка любит скрывать свои эмоции и старается не проявлять лишней заботы или любви. Поэтому удивительно, что она сейчас попросила добавку. Обычно Лена просто уходит в свою комнату после ужина и читает.

— Конечно, — забираю тарелку у старшей дочки. Тянусь к ней, чтобы поцеловать и ее, но она аккуратно отстраняется.

Сердце болезненно колет, но я сохраняю бесстрастное выражение, не желая показывать, как меня задела холодность дочери. Улыбаюсь ей и разворачиваюсь к плите, на которой стоит прямоугольная стеклянная форма с пирогом.

Улавливаю сзади звуки шагов, после чего до меня доносятся скрип ножек стульев о паркет. На автомате накладываю в тарелки девочек по еще одной порции пирога, невольно задумываюсь над тем, что на этот раз приготовила «что-то новенькое». Вите понравилось бы.

Да, блин. О чем я думаю? Мотаю головой, лишь бы избавиться от навязчивых мыслей. Хватаюсь за столешницу. Сжимаю ее, что есть силы.

Какая разница, оценит ли муж мою еду по достоинству или нет? Он уже сделал свой выбор…

Тем более, Витя все равно не пришел на ужин. Снова. Зачем мучить себя предположениями, какой была бы реакция

мужа на новое приготовленное мною блюдо? Я уже и так извелась, думая о том, где он сейчас. А главное, с кем?

На мгновение прикрываю глаза в попытке сдержать непрошеные слезы. Я уже поняла, что нужно разводиться — другого выбора нет. Ведь и дураку понятно, что Витя меня разлюбил. Хотя… может, он и не любил вовсе, а я просто придумала себе его чувства. В любом случае, до принятия окончательного решения остался всего один шаг, но сначала нужно поговорить с мужем… в последний раз. А после этого можно уже думать, что делать дальше.

Как наш брак, который я считала счастливым, мог прерваться в… это?

Прикусываю губу, стискиваю столешницу до боли в костяшках, но уже в следующую секунду беру себя в руки. Отталкиваюсь от твердой поверхности, подхватываю тарелки, иду к столу и с глухим стуком ставлю их перед девочками, сидящими друг напротив друга.

— А можно мне еще молока? — Лиза двумя ручками протягивает мне стеклянный стакан с белой пленочкой с внутренней стороны.

Вот только я его даже взять не успеваю, как открывается входная дверь.

— Папа! — вскрикивает Лена, вскакивает из-за стола и несется в холл.

Лиза менее расторопна, но и она почти сразу же следует за сестрой.

Я же остаюсь стоять на месте, чувствуя, как у меня сводит желудок. Нехорошее предчувствие червячком ползает под кожей, заставляя меня трястись то ли от непонятно откуда взявшегося холода, то ли от страха.

Сквозь звон в ушах до меня доносятся звуки поцелуев в щечку и тихие перешептывания. Муж спрашивает у дочерей, как они провели время у бабушки, что делали. Уточняет, понравилось ли им все.

Меня же начинает мутить. Не знаю, в чем дело. Может быть, в том, что из-за нервов и переживаний у меня кусок в горло не лезет, либо возможно — в беременности.

Делаю несколько коротких вдохов и выдохов, прежде чем собираюсь с силами и тоже иду в холл.

Взгляд тут же цепляется за Витю, сидящего на корточках и обнимающего наших девочек. Как только муж видит меня, с его лица тут же пропадает нежность. Витя сводит брови к переносице, поджимает губы. Взгляд мужа становится нечитаемым. Не проходит и пары секунд, как он отпускает девочек и поднимается.

— Мама пирог приготовила! — Лиза хватает папу за руку. — Пошли пробовать, — тянет его на кухню.

Муж не реагирует, даже с места не сдвигается. Взгляда от меня тоже не отводит.

— Вы идите, я скоро, — чеканит.

— Но… — Лена надувается, складывает руки на груди.

— Я сказал, идите! — произносит на грани грубости, из-

за чего у меня в груди вспыхивает злость. Со мной Витя может разговаривать как угодно, но на наших девочек голос повышать не нужно. Открываю рот, хочу сказать, чтобы муж следил за тоном, но даже слова вымолвить не успеваю, как он меня огорошивает: — Нам с мамой поговорить нужно.

Видимо, в голосе Вити звучит что-то непоколебимое, раз девочки слушаются — мгновение постояв, идут на кухню. Лена же, вдобавок, проходя мимо, бросает на меня обиженный взгляд, будто я во всем виновата. Она всегда была папиной дочкой.

Стоит девочкам скрыться, Витя заявляет:

— Иди за мной, — не дожидаясь моей реакции, направляется в гостиную.

Мне же ничего не оставалось, как последовать за ним. Хотя это последнее, чего я хочу сделать.

Стук сердца отдается в ушах, виски пульсируют, тошнота возвращается с удвоенной силой, подкатывает к горлу. Но все же я переставляю ноги, но стоит мне зайти в гостиную, как застываю в дверном проеме, потому что слышу жесткий голос мужа:

— Я решил, что больше не хочу жить с тобой. Ты должна уйти.

Дверь за моей спиной с грохотом захлопывается.

Глава 9

— Что? — слетает с моих губ на выдохе.

Я ведь не ослышалась? Витя хочет, чтобы я ушла?

Тело немеет. В голове творится настоящий сумбур. Пошевелиться не получается. Я словно прирастаю к полу. Могу только стоять на месте и смотреть на то, как муж все глубже проходит в гостиную. Останавливается после бежевого дивана, стоящего посреди комнаты напротив телевизора, и разворачивается ко мне. Темнота за большими окнами за спиной мужа почти поглощает его фигуру в черном костюме. Зато голубые глаза едва ли не светятся на контрасте. Только жесткое выражение лица каким было, таким и остается.

У меня внутри все стягивается в тугой узел. Становится невероятно трудно дышать. Такое чувство, что из легких весь воздух вытягивает.

— Я сказал, что ты должна уйти, — чеканит муж, глядя на меня нечитаемым взглядом.

— Почему? — задаю самый глупый вопрос из всех возможных, но на большее я сейчас просто не способна.

От шока мысли становятся вязкими, собрать их воедино совсем не получается. Где-то на краю сознания понимаю, что нужно взять себя в руки, но мой мозг просто отказывается соображать. Чувствую себя так, будто мне на голову сбросили кирпич, и теперь непонятно, смогу ли я выжить после та-

кого удара.

— Моего нежелания жить с тобой недостаточно? — Витя выгибает бровь.

Молчу. Горло сжимается до такой степени, что я даже писк выдавить из себя не могу, что уж говорить про слова. Получается лишь сипло втягивать в себя воздух и неверяще смотреть на мужа.

— Ну хорошо, — Витя стискивает пальцы в кулаки. Его костяшки белеют. — Я понял, что вообще не должен был на тебе жениться, — наносит еще один удар.

Слезы подкатывают к глазам, жгут. Нестерпимая боль пронзает тело. Сердце, которое раньше было полно любви, теперь напоминает рваную рану. Душа истекает кровью. Нужно просто развернуться, уйти. Собрать наши с девочками вещи и убраться от мужа подальше. Но, видимо, я мазохистка, раз задаю еще один вопрос:

— Тогда почему женился? — сиплю.

Я должна знать. Должна! Это как пластырь оторвать. Пусть сегодня мне будет максимально больно, зато постепенно рана начнет затягиваться. Будет ныть, чесаться. Но, в итоге, заживет. Надеюсь…

— Думаю, ты догадываешься, — губы мужа растягиваются в жестокой ухмылке. — Из-за Олега, конечно, — пожимает плечами. — Он попросил позаботиться о его младшей сестренке. Я не мог проигнорировать последнюю просьбу друга.

Не знаю, что придает мне сил: упоминание о брате или мнимая забота мужа. Но в следующий момент я подбираюсь, вздергиваю подбородок, гневно смотрю на Витю.

— Олег не просил тебя жениться на мне, — цежу сквозь стиснутые зубы.

— Это да, — спокойно произносит муж, пряча руки в карманы. — Но что мне оставалось делать, раз я испортил его сестренку?

Не сразу понимаю, что значит «испортил», но, когда до меня доходит, возмущение вспыхивает в груди. Срываюсь с места, в пару широких шагов преодолеваю разделяющее нас расстояние, поднимаю голову, заглядываю мужу в глаза.

— Я в тот день ушла, — яростно шепчу. — Мог бы сделать вид, что ничего не помнишь. Я бы тоже сделала вид, что ничего не было. Зачем ты пошел за мной? Зачем женился? Скажи, Витя, зачем? — предательские слезы наполняют глаза.

Пытаюсь держаться. Правда, пытаюсь. Но самообладание покидает меня слишком быстро. Такое чувство, что силы утекают сквозь пальцы. Вдобавок еще и тошнота никуда не девается. Кожа покрывается холодным потом, виски сдавливает. Мне становится ужасно плохо, но я не отвожу взгляда от мужа.

Хочу все выяснить раз и навсегда.

— На тот момент я не мог поступить иначе, — равнодушно произносит Витя, глядя мне прямо в глаза.

— Не мог? — произношу едва слышно. — Не мог?! — кричу. Что-то внутри меня взрывается. Мне сносит крышу. — Не мог?! — толкаю Витю в грудь. Он от неожиданности делает шаг назад. — Что значит «не мог»? — следую за мужем. Снова толкаю его, но на этот раз он не сдвигается с места. — Играться со мной десять лет, словно я бездушная кукла, мог? Детей мне делать мог? А просто сделать вид, что забыл о том, как лишил меня девственности, не мог? — слезы все-таки брызгают из глаз, скатываются по щекам, но я даже не пытаюсь их стереть.

Пусть видит, что делает со мной! Пусть видит, как мне больно!

Но, видимо, агония, разрывающая меня изнутри, никак не влияет на мужа. Витя даже взгляда от меня не отводит. Смотрит бездушно, натянув на лицо свою фирменную бесстрастную маску, и все.

— Хватит истерить! — произносит со сталью в голосе. — Ты все-таки жена политика. Должна уметь контролировать эмоции и держать лицо.

От неожиданности из меня выбивает весь воздух. Муж, который выгоняет меня из дома, вспомнил о том, что я его жена. Вдобавок еще и говорит, что я делать что-то должна.

Смешок срывается с моих губ. А потом еще один и еще, пока не начинаю истерично смеяться. Слезы все еще текут по щекам, дрожу всем телом.

Как бы я ни пыталась, у меня не получается взять под кон-

троль заполнившие меня эмоции. Они настолько сильные, что, кажется, если я их не выпущу наружу, то они разорвут меня на мелкие кусочки. Не знаю, сколько смеюсь, наверное, долго. Все это время муж просто смотрит на меня. Не предпринимает никаких попыток успокоить. Не делает ничего. Просто наблюдает за моей истерикой и все.

— Я скоро перестану быть твоей женой! — резко перестаю смеяться.

Жаль, что слезы никуда не деваются, они все текут и текут. Лицо Вити размывается, скрывая от меня его эмоции. Хотя сомневаюсь, что у мужа они есть.

— Вот тут ты ошибаешься, — Витя сокращает остатки расстояния между нами. Нависает надо мной. Приходится сильнее запрокинуть голову, чтобы видеть его глаза. — Да, жить мы вместе не будем. Но женой ты моей останешься. Мне не нужны семейные скандалы. Особенно сейчас, — каждое слово мужа пропитано сталью.

Из меня выбивает весь воздух. Пару секунд стою, не шевелясь, а в следующую — делаю шаг назад.

— Даже не рассчитывай на это. Я завтра же подаю на развод, — выплевываю, резко разворачиваюсь, направляюсь к двери.

Я должна убраться из этого дома. Ни на секунду не хочу в нем задерживаться. Витя покупал его для нас. Но никаких нас больше нет и, похоже, никогда не было.

Сердце клокочет в груди. Его стук раздается в ушах. В

висках пульсирует, кровь бурлит в венах, подгоняя меня.

Вот только стоит мне положить ладонь на дверную ручку, нажать на нее и потянуть на себя, как сзади раздается грубый голос мужа:

— Если ты хочешь, чтобы твой фонд продолжал работать, то будешь сидеть на попе ровно.

Слова мужа бьют наотмашь. Они становятся последним ударом, из-за которого мои колени подгибаются. Голова начинает кружиться, тошнота становится сильнее. Если бы я не держалась за ручку, то точно шлепнулась бы на задницу. А так просто хватаюсь сильнее, опираюсь на нее. Прикрываю глаза. Делаю несколько коротких вдохов и выдохов, прежде чем развернуться к мужу.

— Ты не посмеешь, — шиплю, заглядывая в ледяные глаза Вити.

Он лишь выгибает бровь.

— Отозвать финансирование? Конечно, посмею. И сделаю, если ты не будешь слушаться, — тяжело вздыхает, будто неподъемное бремя ложится на его плечи. — И конечно, проверки посмею к вам отправить, — направляется ко мне. — Они будут навещать вас одна за другой, одна за другой, пока не найдут что-нибудь весомое, из-за чего вам придется закрыться, — не прерывает зрительного контакта. — Кто, как не ты, должна знать, что мне лучше не переходить дорогу, — останавливается в шаге от меня, обдавая аурой власти. — И то, что я всегда держу свое слово, ты тоже прекрасно

знаешь, — понижает голос до шепота. — Поэтому не нужно меня злить, моя милая, — поднимает руку, пытается заправить мои волосы за ухо, но я одергиваю голову. Витя же усмехается. Пару секунд смотрит мне в глаза, прежде чем расправить плечи. — У тебя сутки, чтобы съехать! Надеюсь, ты справишься с такой простой задачей.

Пока я пытаюсь оправиться от шока, Витя действует. Накрывает мою руку своей, нажимает до конца дверную ручку, дергает ее на себя.

Теряю равновесие. Меня бросает в объятья мужа. Он на автомате обхватывает мою талию. Его жар тут же передается мне. Отскакиваю как ошпаренная. Резко вытягиваю руку из-под хватки мужа. Еще немного отступаю. Не хочу, чтобы даже рядом с ним находиться.

Возвращаю себе равновесие, впериваю гневный взгляд в мужа.

— Не волнуйся, я уйду, — удивительно, но мой голос звучит твердо. — И девочек с собой заберу, чтобы не мешать тебе, — впиваюсь ногтями в ладони. — Но помни, как только я переступлю порог этого дома, моей ноги больше здесь не будет! Хотя… возможно, тебе это и не нужно. Регина скоро сюда переедет?

Витя сводит брови к переносице. Открывает рот, но прежде чем успевает что-то сказать, я его опережаю.

— Не надо! — выставляю руку перед собой. — Ничего не говори. Не хочу знать. Плевать. Прости, но счастья вам я не

пожелаю.

Судорожно вздыхаю, еще мгновение смотрю на мужа, после чего опять берусь за металлическую ручку и открываю дверь. Но снова застываю, только на этот раз по другой причине. И эта причина — моя старшая дочь, стоящая возле входа, прикрывает рот рукой и плачет.

— Папочка, я хочу остаться с тобой! — Лена бросается к мужу, обхватывает его за ноги, прижимается к ним изо всей силы. — Я даже с Регионой жить готова, но не бросай меня, пожалуйста, — заявляет, заикаясь от рыданий.

Мне же в сердце словно кинжал вгоняют. Резкая боль пронзает живот.

Глава 10

Глубоко вздыхаю. Накрываю ладонью живот. Поглаживаю, медленно выдыхаю.

«Тихо, малыш… все хорошо… мамочка рядом», — бормочу мысленно.

Слезы снова собираются в глазах. Материнское сердце ноет, разнося по телу острую боль. Перестаю чувствовать тело, колени подгибаются, стопы немеют. Не представляю, как еще стою, ведь силы меня покидают с невероятной скоростью.

В ушах отдается стук раненого сердца, когда я вижу, как Витя аккуратно отодвигает от себя Лену, садится перед ней на корточки, заглядывает дочери в глаза:

— Милая, ты поедешь с мамой, — произносит вроде бы спокойно, но одновременно с этим непоколебимо. — Это не значит, что мы перестанем с тобой общаться. Я вас не бросаю, буду забирать тебя с сестрой на выходные. Мы много времени будем проводить вместе. Не волнуйся, ладно? — уголок его губ ползет вверх, но во взгляде все также нет эмоций.

Лена смотрит на отца полными слез глазами, а уже через секунду громко всхлипывает и убегает, плача в голос. Прослеживаю за дочкой взглядом, чувствуя, как у меня за нее болит душа, а стоит ей скрыться из вида, поворачиваю голо-

ву к мужу.

— Ты бы мог быть с ней помягче? — мой голос дрожит, хотя я стараюсь держать себя в руках.

Не могу отрицать тот факт, что Лена больше привязана к отцу, чем ко мне, из-за чего становится еще больнее. Как только наша старшая дочка родилась, Витя старался проводить с малышкой очень много времени: вставал по ночам, гулял с ней на улице, а если уезжал надолго, то всегда привозил подарки. Мне же в нашей семье приходилось быть строгим родителем. Неудивительно, что Лена не очень хорошо восприняла «новость». С Лизой муж тоже немало времени проводил, но она еще совсем малышка, поэтому пока она моя дочка.

Витя выпрямляется и тоже заглядывает мне в глаза.

— Если хочешь, могу забрать у тебя девочек, — он выгибает бровь, выглядя при этом максимально пренебрежительно.

Смотрю на мужа, смотрю… и не нахожу человека, которого когда-то полюбила. Передо мной стоит совершенно другой, бездушный мужчина, который не знает, что такое любовь и забота. Меня буквально разрывает изнутри от невыносимой боли. Сердце, от которого остались лишь ошметки, кровоточит в груди. Стараюсь держать лицо, но предательские слезы продолжают течь из глаз.

— Знаешь, — быстрым движением вытираю щеки, — а не пошел бы ты со своей Региной в задницу, — я уйду прямо

сейчас, не хочу находиться рядом с мужем еще даже «любезно» предоставленные им сутки.

Кровь бурлит в венах, в мыслях сумбур. Я никак не понимаю, как человек, которого я считала родным, может со мной так жестоко поступать. Виски словно что-то стискивает. Живот пронзает очередной спазм.

Судорожно вздыхаю. Игнорируя боль, разворачиваюсь на пятках, но, прежде чем успеваю выйти из гостиной, мне в спину прилетает:

— Деньги на квартиру я тебе на карту переведу?

Спотыкаюсь. Делаю широкий шаг, чтобы не прочертить носом по полу. Мышцы наполняются раскаленной лавой. Глаза застилает красная пелена. Мало он меня унизил, да?

Прикусываю щеку, стискиваю кулаки, бросаю взгляд через плечо.

— Потрать свою подачку на Регину, — выплевываю, с отвращением глядя на мужа, но даже после этого его безэмоциональная маска не дает трещины.

Благо у меня есть свои сбережения и работа, если, конечно, Витя не решит ее у меня отнять. Побираться я точно не собираюсь. Жаль, что слезы так просто не остановить. Они, заразы такие, все текут и текут, застилая взор. Сильнее кусаю щеку, надеясь, что физическая боль перекроет душевную. Не особо помогает, но да ладно. Отворачиваюсь от мужа и ухожу от него подальше.

Прежде чем подняться в нашу с Витей спальню, забегаю

на кухню. Подхватываю Лизу, которая уже успела разделаться со своим куском пирога и с тем, что я положила для Лены. Пою ее молоком — не могу проигнорировать умоляющий взгляд. После чего сразу же несусь наверх.

Ради дочери стараюсь держать себя в руках. Но предательские слезы никак не хотят останавливаться. Голос тоже искажается, когда я говорю сидящей на кровати малышке, что мы пару дней поживем у бабушки. С остервенением забрасываю вещи в чемодан. Скорее всего, многое пропускаю, но мне плевать.

Хочется уйти. Убраться подальше от мужа. Перестать чувствовать боль, которая пронзает каждую клеточку тела.

В голове словно на повторе звучат слова Вити:

«Я решил, что больше не хочу жить с тобой».

«Ты должна уйти».

«Я понял, что вообще не должен был на тебе жениться».

…испортил… испортил… испортил…

Как бы я ни пыталась избавиться от них, они меня все равно не покидают. Продолжают пульсировать в голове, подгоняют.

С вещами я быстро разбираюсь. За минут пятнадцать собираю не только свою одежду, но и девочек. Лиза не возражает против того, чтобы пожить у бабушки, а вот с Леной приходится повоевать — она отказывается выходить из комнаты. Поэтому сначала затаскиваю в машину вещи, потом усаживаю Лизу в детское кресло, а только после этого воз-

вращаюсь за старшей дочерью.

Сначала пытаюсь уговорить Лену поехать со мной. Но когда понимаю, что это бесполезно — она, лежа на кровати, отворачивается ко мне спиной и не слушает, — просто подхватываю ее на руки. Дочка брыкается, плачет, пытается вырваться. Но я зажимаю ее руки и кое-как спускаюсь по лестнице в холл, где, видимо, услышав «вопли раненой лани», меня уже ждет муж. Он стоит, прислонившись спиной к косяку у гостиной, при этом сложив руки на груди. Пиджак Витя, похоже, снял, а на рубашке расстегнул пару верхних пуговиц и рукава закатал.

— Куда ты собралась так поздно? — спрашивает, окидывая меня нечитаемым взглядом. — Я же сказал, можешь остаться на ночь. Или тебе есть, куда идти? — хмыкает.

Глава 11

В очередной раз спотыкаюсь. Кажется, что только потому, что у меня на руках малышка, удается сохранить равновесие.

Нет, Витя точно издевается! Он прекрасно знает, что посреди ночи пойти только к матери. К чему эти дурацкие вопросы?

— Тебя это уже не должно волновать, — бросаю гневно, срываясь с места и снова пытаясь добраться до выхода.

— Как скажешь, — Витя пожимает плечами, стараясь выглядеть максимально безразличным, но все-таки от меня не скрывается, что он поджимает губы.

— Папа, — Лена, захлебываясь в слезах, не оставляет попытки вырваться. — Папа, можно я с тобой останусь? Пожалуйста, забери меня. Я буду хорошо себя вести, обещаю… — подвывает.

Изо всей силы кусаю губу, чтобы перекрыть боль, пронзающую тело из-за того, что теперь уже душа рвется в клочья.

— Прекращай истерику! — рявкает муж так громко, что даже я на мгновение застываю. Лена тоже затихает. — Я же сказал, ты едешь с мамой, — впервые за все время нашей совместной жизни Витя настолько строго разговаривает с Леной.

Малышка обомлевает у меня на руках.

Я же бросаю шокированный взгляд на мужа. Он ловит его.

Мгновение смотрит на меня пронзительно, но, как обычно, без единой эмоции, после чего заявляет:

— Если тебе что-то понадобится, звони.

Хмыкаю от абсурда. Ага, сейчас. Разбежалась…

Молча выхожу из дома. Сажаю надувшуюся дочь во второе детское кресло, пристегиваю ее и только после этого занимаю водительское место. Вытираю слезы. Подрагивающими пальцами завожу автомобиль, обхватываю руль, выезжаю с парковки перед домом. Стараюсь не смотреть на вход, но все равно замечаю, что из него льется свет. В итоге не выдерживаю — бросаю взгляд в зеркало заднего вида и вижу мужа, закрывающего собой вход в дом.

Сердце, которое ни на секунду не перестает болезненно ныть, снова пропускает удар, после чего болезненно сжимается. Втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы. Но это не заглушает агонию, пропитывающую каждую клеточку моего тела.

Как моя жизнь за всего лишь два дня могла настолько круто измениться, причем в худшую сторону?

Стоп. Сейчас не время думать об этом — я же за рулем. Нужно довезти себя с девочками до моей мамы в целости и сохранности. Когда окажусь одна… в темноте, позволю бурлящим внутри чувствам вылиться наружу. А пока просто нужно взять себя в руки.

Так сильно концентрируюсь на дороге, что почти не замечаю, как доезжаю до обычной панельной многоэтажки, где

живет мама. Лиза уснула, поэтому, припарковавшись и выйдя из машины, я аккуратно беру ее на руки. Лена же, насупившись, сама выбирается из салона. Молча мы заходим в подъезд, который я открываю своими ключами, поднимаемся на четвертый этаж, после чего останавливаемся возле одной из трех дверей, покрытых черной обивкой. Нажимаю на дверной звонок. «Пение» птиц раздается с другой стороны. Не проходит много времени, как до слуха доносятся тяжелые шаги, а за ними скрежет поворачивающегося в замочной скважине ключа.

Едва успеваю сделать шаг назад, как дверь распахивается.

На пороге появляется мама в домашнем шелковом костюме молочного цвета и со светлыми волосами, перехваченными крабиком на макушке. Она окидывает взглядом девочек, скользит по мне, после чего задерживается на моем лице. Хмурится, сужает глаза. Поджимает губы.

— Витя тебя все-таки бросил, да? — приподнимает бровь. — А я тебе говорила, что ты не сможешь его удержать.

Глава 12

Сердце болезненно сжимается. А чего я ожидала?

Мама никогда не одобряла мои отношения с Витей. После того как погиб Олег, муж заменил ей сына. Первое время Витя даже ночевал в комнате брата по просьбе матери. Он не возражал и был рад поддержать несчастную женщину, но, в итоге, ее опека зашла слишком далеко. Как только мама назвала мужа именем моего брата, тот съехал. Конечно, не прервал полностью связи с моей семьей, но постарался отстраниться.

Иногда мне казалось, что муж приходил к нам только ради меня. Но сейчас понимаю, как я ошибалась. Витя навещал нас из-за обещания моему брату. Женился на мне по той же причине.

Желудок сводит.

Мне приходится тяжело сглотнуть, чтобы ослабить напряжение, бушующее в теле. Получается плохо, но я, по крайней мере, могу выдавить из себя хотя бы несколько слов:

— Можем мы войти? — голос скрипит, но да ладно.

Мама еще пару секунд пристально смотрит на меня, после чего вздыхает и отступает в сторону. Я пропускаю вперед Лену, которая на максимальной скорости врывается в квартиру и по длинному белому коридору с бежевыми стенами несется в дальнюю, бывшую когда-то моей, комнату.

Громкий хлопок дверью сотрясает стены, хорошо хоть, не разбудит Лизу.

Медленно выдыхаю. Стараясь подавить ноющую, пульсирующую в теле боль. У меня ничего путного не выходит. Поэтому просто захожу в квартиру.

У порога снимаю туфли, ногой отодвигаю их поближе к деревянной тумбе для обуви, и, игнорируя пронзающий насквозь взгляд матери, иду в просторную гостиную, где укладываю дочку на темно-синий диван. Нахожу рядом серый плед, накрываю им малышку и… просто стою.

Я словно прирастаю к полу. В груди разрастается пустота. Холодная, темная, всепоглощающая пустота. Но лучше она, чем боль предательства, которая не покидает меня на секунду.

Кажется, весь мой мир рушится прямо на глазах.

Хочется согнуться пополам, а лучше забраться в какой-нибудь угол, обнять колени и выпустить чувства наружу.

Вот только мне нельзя позволить себе слабости, я должна оставаться сильной… ради детей.

Накрываю ладонью живот… поглаживаю его.

«Нам будет непросто, малыш. Но мамочка обещает, что будет любить тебя, несмотря ни на что», — бормочу про себя.

— Ты чего там застряла? — приглушенный голос мамы вырывает меня из ступора.

Мышцы словно деревенеют. Напрягаются до такой степе-

ни, что их начинает жечь. Я не готова к еще одному столкновению. Не готова к расспросам. Не готова к пренебрежительному взгляду в любимом мамином стиле: «я же говорила». Но, видимо, ничего из этого мне не избежать.

Поэтому набираю в легкие побольше воздуха, расправляю плечи и поворачиваюсь к маме.

Дрожь волной проходится по телу, когда я понимаю, что она смотрит на мой живот. Сразу же одергиваю руку, хотя прекрасно понимаю — уже поздно. Судя по тому, как мама сузила глаза, она все поняла… все.

Наши взгляды пересекаются, и я вздрагиваю.

Да-а-а, «серьезного разговора» не избежать.

— Иди за мной, — мама указывает головой в сторону кухни, после чего разворачивается и сама идет в нужном направлении.

Последнее, чего мне хочется, — следовать за ней, но я уже давно не маленькая девочка, которая может позволить себе убежать от мамы, закрыться в своей комнате, засунуть наушники в уши и забыться.

Теперь я взрослая и должна справляться со всеми проблемами, которые ложатся на мои плечи. Первая из них — моя мама.

Бросаю еще один взгляд на спящую дочку. Уголки губ невольно ползут вверх, после чего стискиваю кулаки и иду за матерью.

В квартире родителей кухня находится недалеко от две-

ри. Прежде чем войти в узкое, но длинное помещение, замираю на пороге. Делаю парочку коротких вдохов и выдохов, после чего переступаю порог любимой маминой комнаты. Розовые стены и шкафчики почти такого же цвета, только немного темнее, тут же режут глаза. Стол, стоящий возле стены напротив гарнитура, накрыт фиолетовой скатертью, которая очень хорошо гармонирует со шторками. Только белый холодильник в углу у окна выделяется из многообразия цветов. Мама всегда любила яркость, но на кухне, явно, перестаралась.

На мгновение прикрываю глаза, прежде чем пройти вглубь комнаты. Сажусь на стул с мягкой фиолетовой сидушкой и спинкой, сосредотачиваюсь на спине мамы, которая стоит лицом к окну, сложив руки на груди.

В темном стекле отражается искаженное лицо матери. Эмоции разобрать не получается, но нахмуренные брови и поджатые губы от меня не скрываются.

Хочется расслабиться, но я понимаю, что не могу этого сделать. Мама может в любой момент нанести… удар. Поэтому выпрямляю спину, ставлю локти на стол, переплетаю пальцы. Но не успеваю даже выдохнуть, как до меня доносится строгий голос матери:

— Витя тебя бросил, правильно я поняла?

Вздрагиваю. Сердце пропускает удар. Мама, явно, не собирается подбирать слов и щадить мои чувства тоже.

— Эм-м-м… мы решили разъехаться, — опускаю взгляд

на свои пальцы, костяшки побелели.

Мама хмыкает.

— Ты беременна? — еще один вопрос, который слетает с ее губ, ощущается как кинжал, вонзенный в мое сердце.

— Да, — врать, в любом случае, бессмысленно.

— Витя знает? — мама резко разворачивается, опирается бедрами в подоконник, вперивает в меня жесткий взгляд.

— Нет, — сужаю глаза, мама тоже щурится.

Задерживаю дыхание.

Мать не отводит от меня строгого, пронзительного взгляда. Червячок нехорошего предчувствия начинает ворочаться внутри. Сердце с невероятной скоростью бьется в груди. Дрожь прокатывается по телу, кожа зудит. Во рту пересыхает, но ничего страшного, ведь я не собираюсь ничего говорить. Не собираюсь ровно до того момента, пока не слышу:

— Ты должна сделать аборт.

Глава 13

— Что? — слетает с моих губ, прежде чем успеваю подумать хоть о чем-то внятном.

Такое чувство, что у меня обычными словами выбили почву из-под ног. Связные мысли покидают голову. Все, что я могу, — смотреть на маму и хлопать глазами.

Нет. Она же не могла сказать ничего подобного? Не могла велеть мне сделать…

Черт. Даже мысленно не получается произнести это ужасное слово.

— Сама подумай, — мама в упор смотрит на меня. — У тебя уже есть двое детей. Муж тебя бросил. Куда третьего? — ее слова звучат настолько цинично, что у меня горечь оседает на языке.

Произнесенное матерью просто не укладывается в голове. Как бабушка может предлагать избавиться от собственного, да еще нерожденного, но все-таки внука?

Ярость поднимается из глубины души. Кровь закипает в венах. Кожа начинает зудеть.

Сама не понимаю, откуда берутся силы, но все-таки поднимаюсь на ноги, упираюсь руками в стол, нависаю над ним.

— Как ты можешь такое говорить? — цежу сквозь стиснутые зубы.

— А что такого я сказала? — мама наигранно округляет

глаза.

Из меня словно весь воздух выбивает. Стук сердца отдается в ушах.

— Серьезно? — отталкиваюсь от стола. — Серьезно?! — повышаю голос. — Куда мне третьего? Ты действительно считаешь меня настолько беспомощной?

— Наташа, вот чего ты начинаешь? — мама надевает на себя свою любимую маску: «я во всем разбираюсь гораздо лучше тебя», удивительно, что еще глаза не закатывает. — Я же хочу, как лучше. Пока еще есть время, от зародыша можно, — указывает подбородком на мой живот, — избавиться. Или думаешь, что твой фондик прокормит четыре голодных рта? Не думай, что я буду тебе помогать.

Пренебрежение, звучащее в голосе собственной матери, выбивает меня из колеи. Одно дело не одобрять мое замужество, а совсем другое — бессердечно относиться к моим детям.

— По-моему, я совета не спрашивала, — ощетиниваюсь, с такой силой стискиваю кулаки, что становится больно. — И помощи тоже не просила, — ком застревает в горле.

— Но ты же пришла, — мать сужает глаза. — Посреди ночи, с детьми на руках. Бедная, несчастная, брошенная…

Слезы подкатывают к глазам. Ощущение, что мама пытается меня уколоть побольнее. Но я не понимаю почему. Хотя…

— Ты ко мне так относишься, потому что я не послушала

тебя и все-таки вышла замуж за Витю? — воспоминания о том, какой скандал мне мама устроила, когда узнала, что я приняла предложение Вити, до сих пор живы в памяти.

Чего там только не было: слезы, сопли, биение посуды. Закончилось все тем, что мать выбросила мои вещи в подъезд, а меня выставила следом.

На нашу свадьбу она тоже не пришла.

Мы с матерью не общались больше года. Хотя с мужем она поддерживала связь. Спустя приличное время наши отношения начали налаживаться, и то только благодаря Вите, который постоянно сводил нас вместе. Когда же родилась Лена, мама вроде бы оттаяла, с радостью общалась сначала с одной внучкой, а потом и со второй. При этом со мной вела себя нарочито вежливо. Но, по крайней мере, старалась поддерживать связь и даже не капала мне на мозги.

Видимо, копила негатив в себе. И когда пришел ее час, решила выплеснуть все на меня.

— Я же говорила тебе, что вы не пара, — мама пренебрежительно пожимает плечами. — Ты меня не послушала, и вот к чему это привело.

Меня подкидывает от ярости. На мгновение прикрываю глаза, шумно выдыхаю. Но понимаю, что это не помогает мне успокоиться. Поэтому в следующую секунду распахиваю веки и, вперив гневный взгляд на маму, заявляю:

— Поздравляю, ты оказалась права, — вкладываю в голос все ехидство, на которое только способна. — Но в одном

ты заблуждаешься, — меня трясет, — Витя не Олег. Мой муж никогда не заменит тебе сына, — понимаю, что произношу жесткие слова, но я слишком долго держала их в себе, вот они и вырываются. Глаза мамы широко распахиваются, а рот открывается в немом удивлении. Хорошо хоть ни слова не вылетает из него, иначе я бы не смогла спокойно продолжить: — А по поводу как я буду кормить четыре голодных рта, не переживай. Справлюсь как-нибудь, — едва не скриплю зубами, так сильно их стискиваю. — И да, спасибо за совет. Но я им не воспользуюсь. Прости уж за беспокойство, но сегодня мы с девочками переночуем здесь, — все-таки папа оставил эту квартиру не только маме, но и мне, — а завтра я найду нам новое жилье, — была бы моя воля, я бы ушла уже сегодня, но не хочу тревожить детей, которые и без того в стрессе. — И просить посидеть с внуками, уже с тремя, тоже больше не буду. Справлюсь как-нибудь сама.

Выпаливаю все это и понимаю, что с мамой нам больше не о чем говорить, поэтому я еще секунду с болью в сердце смотрю на нее, после чего разворачиваюсь. Но прежде чем успеваю выйти из кухни, мне в спину прилетает:

— Может, Витя и не Олег. Но он точно не для тебя. Ты для него слишком… обычная, — каждое слово матери, словно отравленная игла, которая впивается в мое сердце, разнося яд по всему телу и вызывая невыносимую агонию. — Если бы ты за ним не бегала, он бы никогда не обратил на тебя внимания. А нашел бы себе другую девушку… достойную.

Слезинка все-таки скатывается по щеке. Самоконтроль покидает тело, начинаю разворачиваться, собираюсь спросить маму, за что она меня так ненавидит, но вибрация телефона, лежащего в кармане брюк, меня прерывает.

Машинально достаю гаджет, разблокирую экран, открываю уведомление о сообщении, пришедшем с незнакомого номера…

В следующую секунду телефон выскальзывает из пальцев. Вот только картинка, которая только что была на экране, все равно стоит перед глазами.

Я отчетливо вижу мужа, целующего Регину.

Вот она… достойная…

Глава 14

— Держи, — Ляся, моя лучшая подруга еще со школы, кладет передо мной на стол связку ключей и садится в то же кресло, где только вчера сидела Регина. — А теперь рассказывай, что случилось, — приподнимает идеальную черную бровь.

Ляся, в отличие от меня, жгучая брюнетка с прямыми волосами почти до пояса и любит носить неформальную одежду, такую, как сегодня, — джинсы и безразмерную черную футболку, на которой большими белыми буквами написано «токсичность 100%».

Рядом со мной в черной юбке-карандаш и бежевой шелковой блузке она кажется подростком-неформалкой. Хотя мы с ней одногодки.

Странно, что мы с Лясей умудрились сохранить связь. Ведь после гибели брата я ото всех отстранилась… кроме Вити, конечно.

Но Ляся, девушка-ураган, нашла ко мне путь, когда я немного излечилась от горя, которое до сих пор иногда поднывает в груди.

Вздыхаю.

Отрываюсь от спинки своего офисного стула, беру ключи, изо всей силы сжимаю их в руке. Зубчики впиваются в ладонь, но физическая боль ничто перед душевной.

— Спасибо, — снова откидываюсь в кресле, прикрываю глаза.

Я позвонила Лясе сегодня утром, зная, что она собиралась сдавать квартиру, которая досталась ей от родителей. Подруга съехалась с парнем, поэтому решила, что можно обеспечить себе дополнительный заработок. Мне повезло, Лясе некогда было заняться поиском квартирантов. Поэтому квартира оказалась свободна, и подруга сразу же согласилась сдать свою жилплощадь мне.

— Ната-а-аш, — требовательно напоминает о себе Ляся.

Набираю в легкие побольше воздуха, распахиваю веки. Встречаюсь с яркими голубыми глазами подруги и выпаливаю:

— Витя изменяет мне с Региной, — фото того, как эти двое сидят друг с другом в кафе и целуются, до сих пор стоит перед глазами. Я пару раз порывалась удалить его с телефона, но так и не решилась. — Мы расстались.

Каждое слово заставляет сердце болезненно сжиматься. Я думала, что проплачу всю ночь. Особенно после нелегкого разговора с матерью. Но стоило мне лечь на диван рядом с младшей дочерью, почти сразу отрубилась.

Проснувшись, я чувствовала себя совершенно разбитой. Молча приготовила девочкам завтрак. Отвезла старшую дочку в школу, а младшую — в садик. После чего поехала на работу.

Все это время, пока я «держала лицо», эмоции бушевали

внутри меня. Непролитые слезы до сих пор жгут глаза, ком не покидает горло.

Я надеялась, если поделюсь с подругой тем, что меня гложет, мне станет легче. Но все происходит ровно наоборот: эмоции захлестывают меня волной, напоминающей цунами.

Становится трудно дышать, горло сдавливает, слезы собираются в уголках глаз. Прикусываю нижнюю губу, чтобы сдержать рвущиеся из меня рыдания.

Несколько раз глубоко вздыхаю, пытаясь восстановить равновесие, но плохо удается.

— Ты же не серьезно? — подруга выпрямляет спину. — Витя не мог. Он тебя любит. Вы же идеальная пара… — бормочет себе под нос.

Хмыкаю.

— Еще как мог, — голос скрипит. — Он меня из дома выгнал, — до сих пор сложно поверить, что Витя опустился до такого, — с детьми.

— Да твою мать! — Ляся вскакивает на ноги. — Он что… там совсем с ума сошел? Кризис среднего возраста у него начался? Или что? — начинает расхаживать по кабинету.

— Я не знаю, — слезинка все-таки скатывается по щеке, быстро смахиваю ее свободной рукой.

— То есть… — заправляет волосы за уши, — вы разводиться собираетесь? — подруга меряет шагами небольшое пространство моего кабинета.

— Если бы, — грустно усмехаюсь, — муж не хочет давать

мне развод.

Ляся резко застывает. Вперивает в меня пронзительный взгляд. Мгновение смотрит, после чего складывает руки на груди и коварно усмехается.

— Значит, ты придешь на мое шоу? — приподнимает бровь, в ее глазах вспыхивает лукавый огонек.

— Шоу? — хмурюсь.

— Ну да, — сужает глаза, — «Жены политиков». Регина договорилась о твоем участии.

Глава 15

Да, что-то такое вспоминаю. Регина вроде упоминала передачу «Жены политиков». Но я не знала, что Ляся продюсирует это шоу.

Страшная мысль охватывает сознание: «Неужели Ляся и Регина в сговоре?».

Уже через мгновение я ее отгоняю! Нет, этого не может быть. Эти двое не выносят друг друга. Ляся много раз твердила мне, что не просто так «эта блондинистая стерва» трется возле моего мужа. Хотя подруга не верила в то, что муж может мне изменить. Но, видимо, все меняется. Или Ляся все-таки не очень хорошо разбирается в людях, как утверждает.

— Блин, Наташ, скажи, что ты придешь, — отчаянно произносит подруга и плюхается обратно в кресло. — Я не успею найти другую гостью.

На ее лице отражается вселенская печаль, а плечи поникают, словно от усталости. От моей обычно энергичной подруги ничего не остается.

Знаю, ей непросто искать героев для своих шоу. Тем более подобного масштаба. И я не хочу ее разочаровывать, но…

— Прости, не вижу в этом смысла, — отвожу взгляд к окну.

Множество домов, улицы, деревья открываются моему

взору. Все-таки я благодарна Вите за то, что он когда-то настоял на том, чтобы расположить офис на пятнадцатом этаже. Теперь я могу наслаждаться прекрасным видом не только на городской пейзаж, но и на бескрайнее небо, которое сегодня затянули серые тучи.

Скоро пойдет дождь, и я этому очень рада, ведь он прекрасно отражает мое состояние.

— Почему? — доносится до меня голос подруги, словно из-за стекла.

Вздыхаю.

Я слишком хорошо знаю Лясю, она не прекратит давить, если не получит удовлетворяющие ответы на свои вопросы.

— Я не смогу ничего хорошего сказать о муже, — сильнее сжимаю ключи в ладони.

По идее, мне должно стать больно. Но врезающиеся в кожу зубчики ничто по сравнению с тем, что творится у меня в душе.

Такое чувство, что там зияющая дыра, которая засасывает в себя всю радость и счастье, когда-то испытываемые мною.

— Так тебя никто и не просит говорить хорошее, — в голосе подруги звенит предвкушение. Слишком явный интерес заставляет меня вновь сосредоточиться на ее лице. Да, как я и думала, хитрый огонек горит в голубых глазах Ляси.

— Говори правду, — она пожимает плечами.

Нехорошее предчувствие зарождается в животе.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю и сразу же жалею

о своем вопросе, ведь подруга слишком энергично начинает ерзать на своем месте.

— Послушай, — Ляся подбирается, вперивает в меня один из своих убеждающих взглядов, которые обычно применяет только на работе. — Ты говоришь, что муж тебе изменяет с Региной. Приходи на шоу и расскажи всему миру, как Виктор с тобой обошелся, пусть поплатится за все, что сделал! — коварная ухмылка растягивается на губах девушки.

У меня же желудок стягивается в тугой узел.

— Нет, — как бы я ни была зла на Витю, рушить его карьеру — это уже перебор.

Ляся еще больше подбирается: выпрямляет спину, расправляет плечи, смотрит на меня с прищуром.

— То есть он тебя с детьми из дома выгнал, — цедит сквозь стиснутые зубы, — а ты его карьеру разрушать не хочешь?

Тяжело сглатываю. Подруга мои мысли прочитала?

— Я просто не хочу, чтобы мою личную жизнь мусолили все, кому не лень, — нахожу еще один вполне адекватный аргумент.

— А ты не считаешь, что над этим поздно задумываться? — Ляся выгибает бровь. — Когда ты вышла замуж за политика, твоя жизнь из личной резко превратилась в публичную.

— Публичной остается только то, что я показываю, — че-

каню.

Злость начинает зарождаться в глубине души. Ненавижу, когда на меня давят. Достаточно уже того, что я пережила с мужем. Больше никому не собираюсь позволять собой помыкать.

— Ну да, ну да, — Ляся откидывается на спинку кресла, забрасывает ногу на ногу. — Посмотрим, как ты запоешь, когда начнут появляться фотографии твоего мужа, обнимающего Регину, целующего ее, тра…

— Хватит! — резко прерываю подругу, вытягиваясь, как струна.

Злость заполняет все тело, заставляет кровь в венах бурлить. Вот только, как бы я ни старалась отделаться от слов Ляси, они все равно проникают в разум, поселяются в мыслях, пускают корни.

Перед глазами встает вчерашняя фотография, пришедшая с незнакомого номера. Понятное дело, что ее сделали недоброжелатели мужа, ведь найти мой личный номер не так уж просто. Но факт, что муж даже не скрывался, остается фактом. А мы даже не разведены…

— Не будь тряпкой, — продолжает давить Ляся. — Все тайное всегда становится явным. Они не смогут скрыть свои отношения, — подруга садится на самый краешек кресла, ставит локти на стол, переплетает пальцы. — Представь, что тебе придется пережить, когда все вылезет наружу, — понижает голос до проникновенного шепота. — Наташ, я же не

только о себе забочусь, но и о тебе. Ты же сама сказала, что Витя тебе развод не хочет давать. После публичного скандала у него не будет выбора, поверь мне, — с нежностью смотрит мне в глаза.

Сердце болезненно сжимается. Разумной частью мозга я понимаю, что Ляся права. Витя поступил со мной, как настоящий подонок. Он даже не попытался поговорить. Я уже молчу о том, что ему плевать на наш брак. Но с другой — не хочется вымазывать то, что между нами было, в грязи. Все-таки я любила этого мужчину с подросткового возраста. Он столько для меня сделал. Спас меня, вытащил из ямы, в которую я себя загнала после гибели брата. Не хочу пачкать наше прошлое… еще больше.

Слезы снова подкатывают к глазам, собираются в уголках, грозят пролиться. Мне становится тяжело дышать. Мышцы словно стальными прутами скручивает.

Не знаю, что делать. Правда, не знаю.

Я хочу развестись, не хочу быть тряпкой, но…

— Кстати, а ты знаешь? Что твой муж с Региной в Сочи через пару дней уезжает? Она мне сама рассказала. Я думала, это по работе. Но в свете последних событий… — подруга наносит последний.

Глава 16

Голова кружится.

С самого утра чувствую себя хуже некуда. Слабость распространяется по телу и, такое чувство, становится моей спутницей.

Даже то, что мы с девочками переехали в квартиру Ляси, уехав подальше от осуждающего взгляда мамы, не помогает мне восстановить равновесие.

Наоборот, мне становится только хуже. У меня уже второй день подряд давят виски, живот тянет, а перед глазами гуляют мурашки.

Скорее всего, все дело в волнении.

После того, как я «согласилась» на участие в передаче Ляси, могла думать только о том, что натворила. Нервы оказались на пределе. Стало сложно сосредоточиться на чем-то еще. В голове постоянно звенел звоночек, превращающийся в единственное слово: «Ошибка».

Когда Витя узнает, что я собираюсь сделать, мало мне не покажется. Даже то, что я собираюсь просто публично заявить о нашем разводе, а не вытаскивать все грязное белье наружу, вряд ли его остановит. Муж может быть изощренным в своей мести. Мне довелось много раз видеть, как он пользовался грязными методами, чтобы уничтожать конкурентов.

Остается надеяться, что он ничего не сделает с фондом.

Да, государственное финансирование у нас приличное, но не единственное. У фонда немало частных инвесторов, с которыми я уже начала налаживать контакты и договариваться о дополнительной поддержке. Пока все с радостью идут навстречу. Но это только пока.

Как люди отреагируют, когда вокруг моей семьи разразится скандал?

Нехорошее предчувствие поселяется в груди, из-за чего дыхание спирает. Может, я все-таки совершаю ошибку? Лучше попытаться договориться с Витей о разводе полюбовно…

«Он уже сказал, что разводиться не собирается», — заявляет непонятно откуда появившийся внутренний голос. — «Витя своих решений не меняет. Ты это прекрасно знаешь».

Стук в окно моей машины заставляет меня вздрогнуть. Сердце пускается вскачь. Резко поворачиваю голову и встречаюсь с самыми голубыми глазами, которые мне только довелось видеть.

Ляся.

Шумно выдыхаю. Опускаю плечи. Мышцы начинают болезненно расслабляться.

— Ты чего тут сидишь? — доносится до меня приглушенный голос подруги.

Тяжело сглатываю. Отрываю руки от руля, в который, оказывается, вцепилась изо всей силы. Распахиваю дверцу ма-

шины.

Пронизывающий до костей ветер тут же проникает не только в салон автомобиля, но и под плотную ткань моего белого костюма. Вот только я не чувствую холода. Все равно и без него дрожу.

Чтобы выбраться на улицу, приходится задействовать всю свою волю. Но я все-таки делаю это. Захлопываю за собой дверь и останавливаюсь напротив подруги, которая одела черную шелковую блузку, черные широкие брюки и черные кроссовки. Она даже чем-то готку напоминает.

Сердцебиение никак не хочет приходить в норму. Глубоко вздыхаю, но это не помогает.

— Пытаюсь собраться с силами, — не вижу смысла врать.

Лицо подруги бледнеет.

— Только не говори, что ты передумала, — ее губы едва шевелятся.

— Я… — сглатываю ком, образовавшийся в горле. — Я не знаю, — произношу тихо.

Подруга пару секунд пристально смотрит на меня.

— Боишься? — спрашивает, склоняя голову к плечу.

Судорожно вздыхаю, киваю.

На губах Ляси растягивается добродушная улыбка.

— Не бойся. Помни, для чего ты это делаешь. Ты хочешь освободиться от оков, которые накинул на тебя муж-мэр, и это твой лучший шанс, — берет меня за руку, подбадривающе пожимает пальцы и ведет меня к Останкино.

Башня возвышается над нами и, кажется, пронзит небо. В другой бы день я бы испугалась — после гибели брата ненавижу высоту. Но сегодня мой мозг забит другим, поэтому я просто вздыхаю и следую за подругой.

Мы заходим в здание телецентра, быстро проходим контроль, направляемся на второй этаж. Все это время Ляся держит меня за руку и не перестает щебетать. Она повторяет мне все, что рассказывала еще вчера. Поэтому я не сильно вслушиваюсь, ведь каждый шаг, который мне предстоит сделать, въелся в память.

Сначала у меня возьмут интервью в студии — Ляся договорилась, чтобы зрителей убрали, лишь бы мне было комфортно. Олеся, девушка-интервьюер, будет задавать вопросы, которые вчера вечером прислали мне на почту. Я их изучила, некоторые вычеркнула. Потом мы поедем ко мне домой, чтобы отснять материал в более уютной обстановке — хорошо, что я разобрала наши с девочками вещи. И в дополнение ко всему погуляем по городу, где я также буду отвечать на вопросы о тяготах жизни жен политиков.

Вроде бы все стандартно, поэтому ничего страшного не должно произойти. Но нехорошее предчувствие никак не желает меня оставлять, даже когда я сижу в кресле, а визажист колдует над моим лицом, а мастер по волосам — над прической.

Ладошки потеют. Сердце стучит с такой скоростью, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

Я переживаю не только из-за того, что скоро перейду точку невозврата, но и еще потому, что низ живота начинает все сильнее тянуть, а виски ужасно сдавливает. Почему я совсем забыла о том, что мне нельзя нервничать? Первые две беременности прошли не самым лучшим образом, у меня были проблемы с давлением. С чего я взяла, что эта пройдет легче? А я себе еще стресса добавила.

Кладу руку на живот, поглаживаю его.

«Тише, малыш. Успокойся. С мамочкой все хорошо, и с тобой тоже будет», — стараюсь убедить, скорее всего, саму себя, при этом медленно и глубоко дышу.

Так сильно концентрируюсь на импровизированной медитации, что не замечаю, как девушки заканчивают свою работу. Лишь когда они меня окликают и спрашивают, понравился ли мне результат, получается очнуться от своеобразного транса. Даже не взглянув в зеркало, благодарю девушек и выдавливаю из себя улыбку.

Стоит мне произнести «спасибо», словно из ниоткуда появляется Ляся, вытаскивает меня из кресла и ведет по коридорам с бежевыми стенами.

Мы заходим в просторную комнату, чем-то напоминающую шахматную доску, если судить по черно-белым квадратикам, из которых сделаны декорации. Освещение направлено на два стоящих друг напротив друга дивана. Один, конечно, оказывается черным, второй — белым.

Ляся проводит меня вглубь студии. Останавливается ря-

дом с девушкой с темными кудрявыми волосами и в черном платье-футляре. Незнакомка стоит спиной к нам и разговаривает с мужчиной в белой футболке, серых спортивных штанах и с гарнитуром на голове. Стоит нам подойти, они оба замолкают, словно чувствуют наше присутствие, хотя мы не сказали ни слова, и оборачиваются.

Девушка сначала скользит пристальным взглядом по мне, после чего останавливается на Лясе.

— Наташа, познакомься с Олесей, — подруга берет инициативу на себя. — Олеся, это Наталья, жена мэра Москвы, у которой ты будешь брать интервью.

— Добрый день, приятно познакомиться, — вполне искренне улыбается Олеся, глядя на меня, после чего снова переводит внимание на Лясю. — А Виктор Владимирович приехал?

Произнесенные ею слова не сразу оседают у меня в голове. Мне требуется несколько секунд, чтобы осознать жестокую правду. Желудок тут же ухает вниз, пальцы холодеют, перед глазами все расплывается.

— Что? — хватаю подругу за запястье. — Ты не могла, — во все глаза смотрю на Лясю, чувствуя, как колени подгибаются. — Мы так не договаривались, — шепчу, в голове словно тысячи молоточков начинают бить одновременно.

Ляся поворачивает ко мне голову. Успеваю заметить лишь ее виноватый взгляд, как волоски на затылке начинают шевелиться. По позвоночнику пробегает колючая волна мура-

шек, кожу покрывает холодный пот.

Оглядываюсь через плечо.

Моментально вижу мужа, одетого в идеально сидящий на нем черный костюм. Он приближается к нам размашистыми шагами. Его выражение лица нечитаемо, но я-то вижу по напряженным плечам и сжатым до побеления костяшкам кулаков, Витя в ярости!

«Господи, я так и знала, что ничем хорошим это не закончится. Что же я наделала?»

Перед глазами мутнеет. Колени подгибаются. Живот пронзает резкая боль. Едва успеваю вдохнуть, когда очередной спазм прокатывается по телу новой волной судороги. Кладу ладонь на живот. Что со мной происходит? В предыдущие две беременности ничего такого не было.

Втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы, но это не помогает заглушить острую боль, ощущающуюся, словно в меня воткнули тысячи кинжалов.

На коже выступает холодный пот. Ноги немеют, а муж оказывается совсем близко, когда до меня с очередным спазмом, наконец, доходит:

«Мой малыш», — два слова смешиваются со страхом в голове. — «С ним что-то не так».

Глава 17

Судорожно втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы. Медленно выдыхаю. Сильнее нажимаю на живот в попытке приглушить спазм.

Боль вроде бы отступает. Но надолго ли?

Разобраться, что со мной происходит, не получается, ведь муж останавливается… слишком близко ко мне.

— Всем добрый день, — в его жестком голосе звенит напряжение.

Пытаюсь сделать шаг в сторону и едва не сталкиваюсь с Лясей. Спотыкаюсь, но даже восстанови

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.